

РОДСТВО, СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Ю.В. Зверева

Ключевые слова: родство, семья, пермские говоры, этнолингвистика, семантико-мотивационный анализ, метафора

Keywords: kinship, family, Russian dialects of the Perm region, ethnolinguistics semantical and motivational analysis, metaphor

[https://doi.org/10.14258/filichel\(2026\)3–08](https://doi.org/10.14258/filichel(2026)3–08)

Введение
В русских говорах отмечено большое число слов, называющих разные виды родственных отношений: кровное, свойственное, духовное. В программе собирания сведений для «Лексического атласа русских народных говоров» представлен большой раздел «Семья; семейные отношения» (Программа, 1994). С. М. Толстая в работе «Категория родства в этнолингвистической перспективе» пишет о том, что лексика и терминология родства в славянских языках принадлежат к древнейшему общеславянскому фонду и демонстрируют не только сложность и разветвленность традиционной системы родственных связей, но и характерные для славян способы их осмысления [Толстая, 2009, с. 9]. Кроме того, как отмечают многие исследователи, эта лексико-семантическая группа в русском языке является основой для возникновения новых значений, относящихся к различным сферам человеческой жизни и материальному миру [Березович, 2009; Качинская, 2018].

Тематическая группа «Семья» на материале разных славянских языков рассматривалась в работах таких лингвистов, как Ф. П. Филин [Филин, 1948], О. Н. Трубачев [Трубачев, 1957]; русские термины родства, супружества и свойства описаны в монографии А. А. Бурькина и В. А. Попова [Бурькин, Попов, 2020]. Существует также большое количество исследований, выполненных на материале диалектов русского языка, среди последних — ряд работ И. Б. Качинской о терминах родства в архангельских говорах [Качинская, 2018; 2023]. На материале пермских говоров лексика родства рассматривалась в работе К. А. Федоровой [Федорова, 1964], номинации людей по отношению к браку в нашей статье [Зверева, 2013].

Методы и материалы исследования

Слова *семья* и *родственники* нередко используются как синонимы. В «Большом академическом словаре русского языка» *семья* определяется как «группа близких, кровных родственников (муж, жена, родители, дети и т.п.), живущих вместе» (БАС. Т. 25. С. 340), т.е. одно понятие толкуется через другое. В данной работе рассматриваются диалектные языковые единицы, которые имеют общее значение 'родственники', а также обозначения и характеристики семьи, семейного положения человека. Материалом исследования стали лексемы, фразеологизмы и паремии, извлеченные из существующих словарей пермских говоров, а также из картотеки «Словаря русских говоров севера Пермского края». В своей работе мы опирались на этнолингвистический подход, представители которого считают своей главной задачей «рассмотрение соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимозависимости и разных видов их корреспонденции» [Толстой, 1995, с. 27]. Метод семантико-мотивационного анализа, предложенный в статье Е. Л. Березович, М. Э. Рут [Березович, Рут, 2000, с. 33], позволяет сделать выводы об этнокультурном содержании внутренней формы языковых единиц путем нахождения мотивационного признака, положенного в основу номинации.

Результаты исследования

1. Общие номинации родственников / неродных людей

Как отмечает И.Б. Качинская, «инвентарь терминов любой лексико-семантической группы в говорах гораздо богаче, чем в литературном языке, прежде всего за счет словообразовательной, но также и семантической деривации» [Качинская, 2016, с. 5]. Так, лексика пермских говоров, обозначающая кровное родство, включает большое количество синонимов с корнем *род-*, используемых для собирательного обозначения родственников: *порóда*: *На Саину **порóду** похожа* (Грудная Караг.) (СПГ. Вып. 2. С. 177); *прирóда*: *Наша **природа** вся жила тут, рядом, да потом разлетелись кто куда* (Соколово Вер.); *Природа большая была, да примерли все* (Юго-Камский Перм.; СПГ. Вып. 2. С. 214); *при́родня*: *Он мне ешо **природня** — сестрин сын* (Камгорт Черд.; КСРГ-СПК); *прирòдство*: *У кого **природство** поменьше, дак и гуляют меньше [на свадьбе]* (Пянтег Черд.; КСРГСПК); *прирòдь*: *Она мне своей **приходь** дится, **природь** моя* (Оськино Сол.; СПГ. Вып. 2. С. 214); *род-племéнь*:

У меня **род-племень** был мал, никто уж не остались (Таволожанка Юрл.; СРГКПО. С. 211); **рѡдненьки**: Сюда приехала. **Родненьки** приехали. Никого не стало (Соколово Вер; СПГ. Вып. 2. С. 296); **родня**: Роды, ну **родня**, родные ишо (Редикор Черд.; КСРГСПК); **родбѡа**: От Ваниной **родовы**-то никого не осталось, сирота он (Брехово Сукс.); **Родова**-то теперь в Перми живѣт (Курашим Перм.; СПГ. Вып. 2. С. 296); **родствѡ**: **Родство** перед домом встречали их с сундуками, постелями. С ласковым приглашением встречали (Большой Букур Чайк.; СПГ. Вып. 2. С. 296); **рѡды**: **Роды** у его в той стороне; большие роды-то у нас (Жуланова Сол.); **Стара** я, из **родов**-от я одна осталася, все уж родные примерли, я последняя (Зуева Сол.; СПГ. Вып. 2. С. 296). Единичные обозначения родственников по крови также чаще всего включают корень *род-*: **прирѡдник**: **Природники** — дак это свои. У меня уж никого нет, сродственники все умерли. Природник — родственник по отцу, по матери, мои дети тоже природники (Сыпучи Краснов; КСРГСПК); **рѡдич**: **Родичи** у неё все померли. Сиротинушкой осталась (Верхнечусовские Городки Чус.; СПГ. Вып. 2. С. 295); **срѡдник**: Там у меня **сродники** жили, семья моя (Медведево Киш; СРГЮП. Вып. 3. С. 168); **срѡдственник**: Иванов день, Успенѣ в июле, Савватеев день в октябре — всё праздновали, не работали, **сродственники** приезжали на конях в гости. В Торговицах, например, **сродственники** есть — туда едут (Филипповка Сукс.; СРГЮП. Вып. 3. С. 169). С.М. Толстая отмечает, что общее обозначение понятия родства с помощью корня *род-* известно всем славянским языкам и связано с семантикой роста [Толстая, 2009, с. 10], во всех русских говорах существуют однокоренные лексемы со значением 'родня, родственники, семья'.

Довольно часто в пермских говорах для наименования родственников используется лексема с корнем *семей-*: **односемѣец**: Она нам своя, **односемейчи** мы, два братана — мой-от муж и ее муж — братаны, отцы-те у них вместе жили (Пянтег Черд.; КСРГСПК); **семѣец**: Муж хворал, его в больницу положили, а **семейцы**-то мои не сказали, чем он хворал (Вильва Сол.; СПГ. Вып. 2. С. 329); **семѣйник**: Я всех своих **семейников** люблю (Тими́на Юрл.; СРГКПО. С. 219); **семѣйщик**: **Семейщики** — родственники (Тиунова Гайн.; КСРГСПК). Реже всего отмечаются слова с корнем *кров-*: **крѡвник**: **Кровники**, свои все по крови (Покча Черд.); Свой уж он, **кровник**-то, не чужой (Покча Черд.; КСРГСПК).

Обычно члены одной семьи, родственники жили вместе или недалеко друг от друга, поэтому у слов, обозначающих какое-либо место, пространство, в результате метонимического переноса может появляться значение 'группа близких родственников, живущих вместе; семья': **дом**: **Весь дом**, все работают (Акчим Краснов.) (КАС); **жи́тель-**

ство: Я вот сюда переехал. Вся наша семья, всё **жительство** и разошлось; наверху-то двое осталось (Осокино Сол.; СПГ. Вып. 1. С. 262); околóток: Весь наш **околóток** из Тесяка — и мать, и отец (Тесяк Окт.; СРГЮП. Вып. 2. С. 231). Отмеченное в пермских говорах слово **однодо́мец** относится не столько к живущим / жившим в одном доме, сколько к близким родственникам: Если одной матери да отца живут, а потом разошлись, так **однодомцы** (Камгорт Черд.); Здесь бы живёт брат, **однодомцы** в одном доме живут (Покча Черд.; КСРГСПК). О таком со вмещении предметного и семейного кода в словах *дом, двор, изба* пишет и И.Б. Качинская [Качинская, 2018, с. 99].

В роли терминов родства могут употребляться также притяжательные местоимения *мой (мои́шний)* и *свой (сво́йский)*: Баска девка. В маму сошла. Или на бабушку? А **мои** в отца сошли (Жигали Вер.; СПГ. Вып. 2. С. 551); **Мои́шных**-то звали на войну [о членах семьи] (Редикор Черд.; КСРГСПК); Ну, сродники — родня, **свои**, сродники они (Камгорт Черд.; КСРГСПК); **Свои**-то друг на друга ига уж не несут: **своя кровь**-то (Ощепково Ус.; СПГ. Вып. 1, с. 593]; У нас там **сво́йский** был, всё приезжал (Осинцево Сукс.; СРГЮП. Вып. 3. С. 88). Если субстантиваты с корнем *мой-* обычно обозначают самых близких родственников, то слова с корнем *свой-* могут относиться также к дальним и некровным родственникам. Так, отмеченная в пермских говорах лексема *присво́й* имеет значение ‘дальний родственник’: *Председатель мне присво́й — сват* (Тетерино Сол.); *Присво́й* далёка уж родня, но его тоже признают как за родню, пировать ли чё, дак звали (Берёзовка Ус.; СПГ. Вып. 2. С. 215). Кроме того, единицы с корнем *свой-* используются для обозначения приемного родства: *взять взасво́й, присво́ить* ‘удочерить’: Они **взяли взасво́й** ребеночка, кормили, поили, одедали как родного (Свало-ва Сол.); Чужие люди, а **присвоили** меня, приголубили (Ножовка Част.; СПГ. Вып. 2. С. 215); **присво́я** ‘приемная дочь’: Доцерь у меня есь, по матери я ей неродная, она мне **присво́я**, вроде падчерица (Мысагорт Черд.; КСРГСПК).

Во многих случаях слова с корнями *род-* и *свой-* выступают как синонимы, так, устойчивые сочетания *быть по-сво́йски* и *быть по роднё* имеют одно значение — ‘находиться в родстве’: Мы ещё маленько с Верой **по-сво́йски были**, моя бабушка да её дед брат и сестра были (Покровка Бер.; СРГЮП. Вып. 1. С. 90); **По-сво́йски** они **были**, она ему сноха была (Воскресенск Караг.; СПГ. Вып. 2. С. 180); Поп маленько **по родне был** моему мужу, дядя, убили его (Покровка Бер.; СРГЮП. Вып. 1. С. 90). Во фразеологизме *ни сво́его ни родно́го* ‘нет никаких родственников’: *Худо живу, нет не сво́его не родного* (Толстик Сол.; ФСПГ. С. 320) — с по-

мощью двойного отрицания перед близкими по значению словами подчеркивается отсутствие семейных связей.

На кровное родство также указывают определения *крóвный*, *роднóй* (*рóдный*), *родíмый*, *кореннóй*: **Кровные** — это брат да сестра, да матери (Покча Черд.); Своему **родному** дитёнку не могла уноровить (Пянтег Черд.; КСРГСПК); В том доме жила мамочка **родимая** (Платошино Перм.; СПГ. Вып. 2. С. 294); Витя-то не **коренной** мне внучек, сын-от с ребенком уж взял Валу (Таман Ус.; СПГ. Вып. 1. С. 417). Кроме того, прилагательное *мíлый* в сочетании со словом *ребенок* также может указывать на кровное родство: *Цетыре доцери, цетыре дитён-ка милых* (Камгорт Черд.; КСРГСПК); *Милого* ребёнка громом убило, а немилый, взятый, остался, вот ведь как (Тюинск Окт.; СРГЮП. Вып. 2. С. 88).

Для обозначения людей, не связанных кровным родством, обычно использовали лексемы *чужой* и *сторонний* / *со стороны*: В **чужие** люди ткала, соседям да чё (Редикор Черд.; КСРГСПК); Приведенец у их в семье живет: это робёнок принятой, мужику-то **чужой**, а ей — свой (Верхнее Мошево Сол.; СПГ. Вып. 2. С. 202); У нас вечер **сторонние** были, наглядеться не могли (Б. Долды Черд.; КСРГСПК); Позовут четыре человека **со стороны**, чтоб не родня хоронить-то (Покровка Бер.; СРГЮП. Вып. 3. С. 186); Когда **со стороны** [не родственники на свадьбе] пели, когда свои (Покча Черд.; КСРГСПК). Это же значение 'не связанный кровной связью' имеют фразеологизмы *со стороны полёно*: Называют свекровкой, а это ведь всё равно что **со стороны полено** (Ножовка Част.; ФСПГ. С. 282) и *чужа́ на́чужо*: Я им **чужа начужо**, у их родня, бабушка есь (Аниковская Черд.; КСРГСПК); *чужа́я у́жна* 'о человеке, принятом в семью со стороны': В дом возьмут человека, дак говорят — **чужая ужна** (Попово-Останино Сол.; ФСПГ. С. 385); Здись роздорят, дак говорят: «**Чужая ужна**» (Половодово Сол.; КСРГСПК). При отрицании родственных связей также использовали субстантиват *несво́й*: Другой раз в праздник наберутся и свои, и несвои — всякой наброд... (Акчим Краснов.; АС. Вып. 3. С. 74).

Определение **неродной** в сочетании с терминами родства нередко указывает на искусственное (приемное) родство: *До́чь неродная* робит в Кудымкаре (Редикор Черд.); *Отцу неродной сын*, приведенец, мать привела, у матери — пасынок (Покча Черд.; КСРГСПК); Многие сватались. Но ребят пожалела. **Отец-то неродной**, будет поноситься, не будет любить ребят (Жуланова Сол.; СПГ. Вып. 2. С. 167).

2. Языковые единицы, характеризующие дальнейшее родство

В пермских говорах значение 'дальняя родня' чаще всего передается с помощью образных выражений, нередко такие единицы включают числительные: *деся́тое ко́лено*: Он еще мне **деся́тое колено** родня *какая-то будет* (Орел Ус.; СПГ. Вып. 1. С. 404), *деся́тое ко́лесо*: *Какая-то у меня узятя мать да кака-то, в обшом, деся́тое ко́лесо там, по ихней* [линии родства] *кака-то ишо немного своя* (Редикор Черд.; СРГСПК. Вып. 2. С. 199); *девя́тый плетёнь на́шего о́города*: Она нам не *шибко родня* — **девя́тый плетень на́шего о́города** (Тюинск Окт.; СРГЮП. Вып. 2. С. 340); *се́дма́я вода́ на гу́щечке*: *Больше нет **семой воды на гушишечке**, уехал* (Акчим Краснов.; АС. Вып. 1. С. 138). Авторы книги о народной паремике Пермского края отмечают следующие устойчивые языковые единицы, характеризующие дальней родство и включающие числительные: *родня* — *от девятого бродня*; *от ноги девята кость, да ту брось*; *десята водина на дробине*; *родня из девятого плетня* (И.А. Подюков. 2014. С. 59). Интересно, что в состав устойчивых сочетаний чаще всего входят числительные *девя́тый* и *деся́тый*, которые подчеркивают отдаленность родства.

В образной основе таких выражений могут лежать различные культурные (номинативные, тематические) коды: соматический, пищевой, предметный, зоологический. В своей работе для анализа мотивации лексики определенной тематической группы мы будем использовать термин «тематический код». По словам Е.Л. Березович, тематикомотивационный аспект в этнолингвистике связан с установлением того, «с помощью каких тематических кодов выражаются те или иные идеи, в каких областях действительности отыскиваются мотивационные источники или наследники данных смыслов» [Березович, 2007, с. 33].

Как отмечают исследователи, термины родства могут быть мотивированы названиями частей тела, соматизмами [Качинская, 2018, с. 100–102]. На таком метафорическом переносе основаны фразеологизмы *деся́тое колено* и *от ноги девята кость*. Слово **колено** регулярно используется в пермских говорах для обозначения родственных связей: *пе́рвое ко́лено, второ́е ко́лено* 'двоюродное родство': *Это братаны. Отцы у них браття, а они — второ́е колено* (Акчим Краснов.; АС. Вып. 1. С. 87); *Осередний на фотке-то — братанник мне-ка. Дети дочери и дети сестры считаются как **первое колено** братанники* (Жуланово Сол.; СПГ. Вып. 1. С. 54); *же́нское ко́лено* 'женская часть семьи, поколения': *Женско колено, а тут мужско колено* (Покча Черд.; КСРГСПК). Паремия *от ноги девята кость, да ту брось* включает соматизмы *нога* и *кость*. И.Б. Качинская отмечает номинации ноги и ее частей (*нога, колено,*

жопа, задница, стопа, ступня), которые используются в диалектных архангельских идиомах для обозначения родства [Качинская, 2018, с. 101].

Возможно, символической заменой конечности в образных выражениях выступают названия обуви или обмоток для ног. Так, паремия *родня — от девятого бродня* включает слово *бродень*, которое в пермских говорах имеет значение ‘мужская кожаная обувь без каблуков, с высокими голенищами’, ‘берестяная или лыковая обувь наподобие глубоких галош’ (ТСЛО. 2019. С. 277–278]. В севернорусских говорах отмечены фразеологизмы со словом *онучи* и *портянки*: *на одном солнце (солнышке) онучи (портянки) сушили* ‘о дальних родственниках’ (БСРП. 2008. С. 630; 631). Не исключено, что обувь в выражениях, характеризующих родство, относится к предметному коду, так, А.В. Тихомирова пишет о том, что дарение обуви невесте могло быть способом приобщения к другому роду, семье жениха [Тихомирова, 2013, с. 48].

Идиомы *десята водина на дробине*, *седьмая вода на гущечке* возникли на базе пищевой метафоры, подобные единицы отмечены в других русских говорах и в общенародном языке: *девятая (десятая, седьмая) вода на киселе (на восьмой воде)*, *девятая водина на квасине*, *десятая (седьмая) водина на квасине (на киселине)*; *двоюродный кисель на троюродной воде* ‘о дальних родственниках’ (БСРП. 2008. С. 90; 91; 92; 285). Интересно, что в пермских говорах метафора связана с ситуацией цежения пива, браги, кваса и разведения напитка водой. В пермских говорах *дробина* и *гуща (гущечка)* имеют значение ‘густая, нерастворимая часть сусла’ (АС. Вып. 1. С. 222), которая получалась при приготовлении пива и браги. Вероятно, используется именно такое сравнение, поскольку в традиционной крестьянской кухне кисель был не напитком, а блюдом.

Отдаленность родства может подчеркиваться не только числительным, но и незначительностью, малоценностью предмета, который лежит в основе сравнения. На такой предметной метафоре строятся устойчивые единицы *десятое колесо*, *девятый плетень нашего огорода*, *двоюродное прясло из ихнего огорода*. Фразеологизм *десятое колесо* можно соотнести с общерусским *пятое колесо в телеге* ‘о ком-, чем-либо совершенно бесполезном, ненужном’. Выражения *родня — девятый плетень нашего огорода / родня из девятого плетня*, *двоюродное прясло из ихнего огорода* основаны на сравнении с какой-либо частью забора, ограждения: *плетень* ‘изгородь, сплетенная из прутьев и ветвей’ (БАС. Т. 17. С. 70), *прясло* ‘звено, часть изгороди от одного вбитого в землю столба, кола до другого; жердь в изгороди’ (БАС. Т. 21. С. 440). В русских народных говорах отмечены подобные паремии: *нашей городьбе*

двоюродная плетень, нашему забору двоюродный плетень, нашему забору двоюродный Яков, девятый кол изгороди, нашему (моему) огороду двоюродный плетень, моей тёще двоюродный плетень (БСРП. 2008. С. 156; 237; 299; 460; 663). С одной стороны, забор противопоставлен дому как символу домашнего очага и семьи, с другой стороны, ограждение служило границей между своей и чужой территорией, таким образом, в выражениях подчеркивается промежуточное положение дальних родственников, которые не являются абсолютно чужими, однако не входят в близкий круг.

Идея промежуточного положения, а также незначительности лежит в основе паремии *коро́ва сса́ла да бры́зги летёли*: *Да каки оне родня — так, коро́ва ссала да бры́зги летели* (Пож Юрл.; СРГКПО. 2011. С. 126). В русских говорах встречаются похожие устойчивые сочетания: *девятой (десятой) коровы пузырь (требух), дядиной коровы пузырь, от седьмой свиньи поросёнок, собаки из одного корыта лакали* 'о дальнем родственнике, отдаленном родстве' (БСРП. 2008. С. 316; 599); *девятой курице — десятое яичко* (ЧРДФ. 2004. С. 92). Во всех представленных паремиях проводится сравнение с домашними животными (коровой, свиньей, собакой, курицей), при этом они всегда имели ценность для сельских жителей. Однако включенные в выражения соматизмы *моча, пузырь, требух* связаны с идеей незначительности, малоценности какого-либо предмета.

Таким образом, в пермских говорах для обозначения дальнего родства используются в основном устойчивые сочетания и выражения. Они представляют собой региональные варианты широко распространенных в общерусском языке и народных говорах языковых единиц, поскольку имеют общее значение и схожую образную основу.

3. Номинации и характеристики семьи с точки зрения ее состава в пермских говорах

Для обозначения семьи в пермских говорах чаще всего используется само это слово и его дериваты *семейность, семейство, семейственность, семейица*: *Вот уже обзавелась тут семейностью* (Акчим Краснов.); *Болтаются всё ходит, это ей по душе, семейственность ей не надо* (Акчим Краснов.; КАС); *Такая семейство — семь детей скопилось* (Илаб Сол.; КСРГСПК); *Всё своими руками делали, всё сами, семейица ведь была* (Сыра Сукс.; СРГЮП. Вып. 3. С. 100]. Кроме того, отмечена в говорах лексема *фамиль / фамилия* в значении 'ряд поколений, род, семья, носящие одно наследственное наименование и имеющие одного предка': *Разрубили леса и стали жить: та фамиль, друга фамиль* (Поськи-

но Сол.; СПГ. Вып. 2. С. 490); *Бежали от крепостного права, от военной службы, селились здесь. Вот и получились две фамилии — Горшково да Усанины* (Акчим Краснов.; АС. Вып. 6. С. 90).

Как известно, традиционные семьи обычно включали большое число родственников, однако в записях второй половины XX в. обычно упоминаются нуклеарные семьи (дети и родители). Этнографы отмечают, что в конце 1950-х гг. русская сельская семья состояла в основном из 3–4 человек; в 60–70-е гг. XX в. большие по размеру семьи составляли пятую часть от их общего числа [Власова, 2005, с. 440–441]. Вероятно, это объясняет большое число языковых единиц со значением ‘многодетная семья’ в пермских говорах. Как правило, такие номинации имеют образный характер, метафорический перенос может осуществляться с использованием разных тематических кодов: антропоморфного, зоологического, растительного и предметного.

От терминов, обозначающих группу людей, образованы языковые единицы *артель*, *орда*, *старообрядная казарма*: *Артель-то у нас девять человек, семеро угланов ведь* (Черд.; КСРГСПК); *У Настасьи-то орда ведь. Много ребят. И все мал-мала мене* (Тис Сукс.; СПГ. Вып. 2. С. 47); *У-у, у нас детей-то было — целый притон; старообрядная казарма, беда людно жили* (Губдор Черд.; СПГ. Вып. 1. С. 372). Скорее всего, в определении «старообрядная» отражены особенности семейного уклада старообрядцев, которые долго придерживались традиции совместного проживания родителей и женатых братьев с семьями.

В обозначении большой, многодетной семьи часто используется зоологический код, слово *гнездо* может обозначать семью: *Летом хотели всем гнездом в город ехать, да так и не собрались* (Осокино Сол.); *Мальчик-то этот — их братик? — Нет, вот это две сестры, а он — из другого гнезда-то, другой дочери сын* (Усть-Егва Ильин.; СПГ. Вып. 1. С. 166). Нередко большая семья сравнивается с множеством насекомых, осиным гнездом или муравейником. Так, в пермских говорах отмечены фразеологизмы *осье гнездо*: *Плодистая? Это обида на бабу, плодистая, многодетная. Осье гнездо называли, много детей когда* (Акчим Краснов.; СРГСПК. Вып. 2, С. 37) и *как мураший кипят: Как мураши кипят — про большую семью, где много детей* (Акчим Краснов.; АС. Вып. 2. С. 42). Такие сравнения детей и насекомых распространены в русских говорах [Кривошапова, 2005], например, в говорах Иркутской области зафиксирован фразеологизм *народить кого как мух* ‘о множестве детей, родившихся в какой-либо (обычно бедной) семье’ (БСРП. 2008. С. 412). На основе зооморфной метафоры возникает значение ‘многодетная семья’ у слова *руно*: *Надо ведь руно-то этако кормить, угланов-то се-*

меро ведь их, подумать страшно (Черд.; КСРГСПК). В пермских говорах отмечены и другие значения лексемы: 'стая, косяк (о рыбе)'; 'рой (о пчелах)'; 'толпа' (СПГ. Вып. 2. 307).

Исследователи отмечают, что термины, традиционно используемые в ботанике, в метафорическом смысле могут употребляться и для обозначения родства, например, такие номинации, как *ветвь, плод, семя, куст* [Толстая, 2009, с. 11; Качинская, 2018, с. 82]. Растительный (ботанический) код реализуется в языковых единицах со значением 'многодетная, большая семья': *ро́ща: У меня восемь человек семья. Такая ро́ща. Мы вдвоём со старухой только поднимали. Потом дети выросли, у их рабочая сила появилась, они робить стали* (Ефремы Сол.; СПГ. Вып. 2. С. 301) и *шипичный куст: Коля-то невесту найдёт, девок-то — шипичный куст! Много — шипичный куст. Вобщё так про семью, не обязательно про девок* (Акчим Краснов.; АС. Вып. 2. С. 95). Метафорический перенос в обозначении большой семьи происходит с единицами, которые обозначают совокупность деревьев или же растения, состоящие из нескольких стеблей.

Реже в пермских говорах номинации большой семьи связаны с другими кодами. Так, у слова *борона́* развивается семантика 'большая семья': *У них цела борона детей* (Акчим Краснов.); *Семейны, надо разворачиваться, семья большая, с бороной такой* (Акчим Краснов.; АС. Вып. 1. С. 84]. Вероятно, сравнение с этим предметом основано на идее множественности, в архангельских говорах у слова *борона* зафиксировано значение 'большое количество, множество', при этом в основном используется в сочетании со словом «дети» (АОС. Вып. 2. С. 84). Это сельскохозяйственное орудие выглядело по-разному, но всегда имело много заостренных колышков или сучьев, которые разрыхляли почву, возможно, это стало основанием для переноса. Кроме того, для утяжеления деревянной бороны на нее могли садить детей, видимо, это также повлияло на возникновение значения 'многодетная семья' у лексемы. Возможно, метафора также связана с символическим значением, которым наделялась борона. М.М. Угрюмова отмечает, что представление о появлении в семье детей может ассоциироваться с севом, пахотой и земледелием [Угрюмова, 2017, с. 91–92].

В пермских говорах зафиксирована также лексема *плани́да*, одно из ее значений — 'многодетная семья': *Вот плани́ды-то скоко! Тресь её побери! Плани́да-то — когда робят много* (Дуброва Сол.; СПГ. Вып. 2. С. 102). В современном русском литературном языке существует похожее по форме слово *планета* — 'небесное тело, вращающееся вокруг Солнца и светящееся отраженным солнечным светом', которое заим-

ствовано из греческого языка (πλανήτης ἀστήρ — 'странствующая (изменяющая место стояния) звезда') (П.Я. Черных. Вып. 2. 1999. С. 38). Слово *планида* существовало в древнерусском языке, осталось оно в русских говорах. Так, в СРНГ у слова *планида* отмечается несколько значений: 1. 'планета'; 2. 'комета'; 3. 'сильный дождь, ветер, гроза и т.п., вызывающее бедствие'; 'несчастье, бедствие'. 4. 'многодетная семья'; 'дети, детвора' (СРНГ. Вып. 27. С. 80–81). Можно предположить, что последнее значение возникло в результате развития семантики: 'небесное тело' > 'погодные явления, вызывающие бедствия' > 'несчастья, бедствия' > 'непослушные дети' > 'многодетная семья'; 'дети'. Не исключено, что значение 'семья' является результатом развития значения 'судьба, удел', которое фиксировалось у слова *планида* в «Словаре русского языка XVIII века» (СРЯ XVIII в. Вып. 20. С. 5]. Такой перенос может быть связан с представлением о том, что семейные, родственные связи определяли будущее человека, влияли на всю его жизнь.

Только в пермских говорах встречается лексема *накопи́ло* 'большая семья': *У нас-то семьи — целое накопило, всё-то восемь человек* (Веслянка Кунг.) (СРГЮП. Вып. 2. С. 145), которая образована от глагола *накопить*. В пермских говорах отмечены языковые единицы *накопиться, скопиться* 'появиться, родиться (о детях)' (КСРГСПК) и *ребя́т копи́ть* 'рожать детей, создавать семью' (СРГЮП. Вып. 1. С. 409], глагол *накопить* 'обзавестись большим количеством детей, народить много детей' встречается в архангельских говорах (СРГС. Вып. 8. С. 76).

Таким образом, в языковых единицах со значением 'большая семья' в основном используются растительный (*ро́ща, шипичный куст*), животный (*гнездо, осье гнездо, руно*), предметный (*борона*) коды. Часто переносное значение 'многодетная семья' появляется у слов, в значении которых содержится идея множественности (людей, насекомых или других мелких существ, частей растений, деталей предметов). Большинство из перечисленных лексем являются общерусскими, зафиксированы во многих диалектах (*артель, гнездо, орда*), другие отмечаются также в архангельских говорах (*борона, осье гнездо*).

В пермских говорах нередко встречаются описательные выражения, характеризующие семью с большим количеством детей. В состав таких единиц входят слова, образованные от собирательных числительных: *мале́нко пятерё́нко, мале́нко семерё́нко, мале́нко восьмерё́нко, мале́нко девятерё́нко: Отец-от умер, нас оставил мале́нко восьмерё́нко, пятеро осталось нас дак* (Вильва Сол.); *Нас было мале́нко девятерё́нко, семеро у отца-то* (Вильва Сол.); *Мале́нко пятерё́нко вырастила — пятерых* (Обросиха Ильин.); *Мале́нко нас было семе-*

ренько, две дочери да пять сыновей (Тюлькино Сол.; ФСПГ. 2002. С. 207). Как видно из примеров, в некоторых случаях эти сочетания указывают на конкретное количество членов семьи, а в других обозначают большое число детей в семье.

Интересно, что в диалектных словарях XIX в. языковые единицы со значением 'большая, многодетная семья' встречаются относительно редко, например, в словаре В. Даля отмечены лексемы *арава* и *артель* (В. Даль. Вып. 1. С. 54; 62). На наш взгляд, это можно объяснить тем, что информанты, рассказывая о прошлом, обычно противопоставляют родительскую многодетную семью и современные, которые часто являются малочисленными. Возможно, эмоциональное отношение к этому факту и вызывает появление большого числа образных единиц со значением 'большая, многодетная семья'.

При традиционном укладе человек достаточно редко жил один, поэтому проживание в одиночестве, без семьи воспринималось как нарушение нормы. Человека без родственников называли *оди́ночка* / *оди́начка*: *Оди́начка* позовёт, днём лён потреплют, а вечером попляшут (Пыскор Ус.; СПГ. Вып. 2. С. 35) и *оди́натина*: *Оди́натин* на лесозаготовки не го- няли (Филина Караг.; СПГ. Вып. 2. С. 35), его семейное положение обозначали как *оди́нокий* / *оди́накий*, *безродный*, *бесплеменный*. Слово *один* входит также в состав фразеологизмов, которые характеризуют подобный социальный статус: *весь оди́н* / *вся одна́*: *Уже семьи нет, вся одна живу* (Семунино Сол.; СПГ. Вып. 2. С. 35); *на́одно одна́*: *Наодно одна живу* (Цыдва Черд.) (КСРГСПК); *оди́н (одна) на одно́*: *Остался он один на одно́: отец умер, мачеха ушла от его* (Лызиб Сол.; ФСПГ. 2002. С. 247); *Одна на одно́ живёт, никого нету* (Аниковская Черд.; КСРГСПК); *оди́н (одна́) собой (себе)*: *Плохо одному собой жить* (Югово Караг.); *Вот уж семьей год живу одна собой, мужик покинул меня, на гору ушел* (Кунья Добр.; СПГ. Вып. 2. С. 35); *Я пришла, он один себе был [жил один]* (Илаб Сол.; КСРГСПК); *оди́н-разъеди́н*: *Одна-разэдна* осталась, ни мужа, ни детей (Антуфьево Бард.; СРГЮП. Вып. 2. С. 224). Человека, у которого отсутствует семья, могут образно характеризовать с помощью фразеологизмов на основе двойного отрицания, в их состав входят слова, обозначающие родство (*ни своёго ни родно́го*) или местоимение *я* (*ни за мной ни передо мной*): *Худо живу, нет не своёго не родного* (Толстик Сол.); *Пришел я с госпиталя, а у меня ни своёго ни родного* (Колышкино Караг.; ФСПГ. 2002. С. 320); *Кругом я одна, не за мной не передо мной нету никого* (Пантюха Част.); *Робить не могу и помокчи некому — у меня ведь не за мной не передо мной* (Ножовка Част.; ФСПГ. 2002. С. 216).

Как упоминалось выше, довольно часто семейное положение человека может обозначаться с помощью образных выражений на основе соматизмов. Обычно одинокий человек сравнивается с пальцем руки, как в общерусском фразеологизме *один как перст*. В пермских говорах встречаются его варианты: *(один) как кукышка*, *(один) как пёрстик (пальчик)*: *Живу я здесь как кукышка, одна совсем, никого родных нету* (Воскресенское Караг.; ФСПГ. 2002. С. 188); *Один Николай у меня, как перстик — ни дочерей, ни тёток, ни дядек* (Губдор Краснов.); *Раньше с детьми жила, а теперь как пальчик одна живу* (Пянтег Черд.; ФСПГ. 2002. С. 263). Лексема *кукышка* в пермских говорах имеет значение 'указательный палец' (СПГ. Вып. 1. С. 448), слова *перст* и *палец* могут обозначать как любой палец руки, так и только большой палец. Таким образом, как и во фразеологизме *один как перст*, сравнение связано с пальцем, который выделяется на руке, находится «в одиночестве».

Довольно часто в пермских говорах для характеристики бессемейного или лишившегося родных человека использовали образные средства, мотивированные сравнением с животным: *как бездомная кукышка*: *Замуж не бывала, вот и живу, как кукушка бездомная* (Пянтег Черд.; СПГ. Вып. 1. С. 448); *как медведь (в берлоге)*: *Живу один, как медведь, совсем никого нету* (Ананьино Чернуш.; СРГЮП. Вып. 2. С. 72); *Один старик там в лесу жил, как медведь в берлоге* (Вильгорт Черд.; ФСПГ. 2002. С. 213); *как медведица*: *А я не такая, я не живу как медведица* (Сёмина Краснов.; ФСПГ. 2002. С. 213); *как птишка на островинке*: *Теперь вот одна живу, никого нету у меня, осталась как птишка на островинке, одна-разъедна* (Ефремы Сол.; СПГ. Вып. 2. С. 244); *как соколик*: *Один себе, как соколик, живёт* (Березовка Ус.; СПГ. Вып. 2. С. 35); *как заяц на острове*: *Живу тут одна на пустом хуторе, как заяц на острове* (Корюкино Караг.; СПГ. Вып. 1. С. 320); *одинокый медведь* 'об одиноком мужчине': *Те, которые одинокие медведи, отдельно ото всех живут. В Кубе таких мужиков много* (Бедряж Чернуш.; СРГЮП. Вып. 2. С. 72). Как видно из примеров, бессемейный (или лишившийся семьи) человек может уподобляться дикому животному, которое из-за особенностей поведения или внешних обстоятельств остается в одиночестве. С одной стороны, такие сравнения прямо связаны с особенностями поведения животных, с другой стороны — подчеркивают неправильность такого положения человека. Если языковые единицы, характеризующие дальнейшее родство, нередко связаны с образами домашних животных, то отсутствие семейных связей, сиротство человека подобно существованию одиночных животных.

Растительный (фитоморфный) тематический код для характеристики одинокого человека также используется в пермских говорах, отмечены такие языковые единицы, как *богдánна вéточка*: *И осталась я как богдánна веточка* (Заполье Краснов.; ФСПГ. 2002. С. 46); *как пень берёзовый*: *Как пень берёзовой одна осталась, и делать-то уж ничё не могу* (Рябки Чернуш.; СРГЮП. Вып. 2. С. 298); *пíхта*: *Она така же несчастная пихта, как я, одна живёт* (Бычина Краснов.; СПГ. Вып. 2. С. 101). Сравнение человека с частью дерева (веткой, пнем) выражает идею оторванности, отчужденности от целого. На подобном сравнении основаны фразеологизмы, которые зафиксированы в русских говорах Тюменской области: *одна как головешка, одна как огорелый пень* (ФСРГТО. 2020. С. 197]. Уподобление одинокого человека пихте в пермских говорах, возможно, связано с внешним видом растения, кроме того, в Пермском крае оно менее распространено, чем другие хвойные деревья. Интересно, что в русских говорах одинокий человек может сравниваться с различными деревьями: *как горькая осина* (БСРП. 2008. С. 469), *как лесина таёжная* (БСРП. 2008. С. 344), *как рябина* (БСРП. 2008. С. 587), *как сосна в поле* (БСРП. 2008. С. 647). Вероятно, в таких образных выражениях важен не ботанический вид, а обособленность, единичность растения.

В образных оборотах со значением 'об одиноком, бессемейном человеке', построенных на предметном коде, актуализируется семантика ненужности, малоценности: *как брошенная рассо́ха*: *Муж умер, дети нету. Одна я как брошенная рассо́ха* (Усть-Зула Юрл.; СРГКПО. С. 209); *как у шу́бы рука́в*: *Мужики-те погинули, вот бабы-те и остались как у шу́бы рука́в* (Легаевка Чернуш.; СРГЮП. Вып. 2. С. 248). Человек в этих фразеологизмах сравнивается с непригодным для использования предметом: с задней частью сохи из дерева или рукавом от шу́бы. Отсутствие семейных, родственных связей может характеризоваться с помощью фразеологизма *ни до́му ни ло́му*: *Ни дому ни лому у меня нет, совсем одна я* (Лызиб Сол.); *Никитка-то совсем один живёт, ни дому ни лому у него* (Налевки Нытв.; СПГ. Вып. 1. С. 225). Этот оборот отмечен и в других русских говорах, однако чаще всего ему дается толкование 'об очень бедном человеке, не имеющем жилья, имущества' (БСРП. 2008. С. 196). Вероятно, дальнейшее развитие семантики фразеологизма в пермских говорах связано с тем, что плохое материальное положение (отсутствие дома) может быть связано с потерей близких родственников. Кроме того, это значение могло возникнуть на основе существующей в говорах семантической модели 'семья, кровные родственники' ↔ 'дом, жилище'.

Одиночество бессемейного человека может выражаться с помощью антропоморфных образов: как *каин*: *Я эть как каин*, одна живу, никого у меня не осталось (Яранина Черд.; СПГ. Вып. 1. С. 37); как *пустынник*: *Одна живёт, как пустынник* какой. *Умрёт, застынёт, и никто не узнаёт* (Пянтег Черд.; ФССП. 2002. С. 307); как *оплешинник*: *Я как оплешинник* живу. *Бабки-те все помирают и помирают* (Мараты Коч.; СПГ. Вып. 2. С. 44). Слово *оплешинник*, вероятно, образовано от диалектного *плешина* 'участок, лишенный растительности' (СГТ. 2007. С. 277) и обозначает человека, который живет уединенно, вдали от других. Источником номинаций одинокого человека могут служить наименования мифологических существ: *баба-яга*, *чертовка* 'о старой одинокой женщине': *Теперь одна тожно осталась, баба-яга. Доцерь на Капказе живёт, не выдаю её* (Акчим Краснов.; АС. Вып. 1. С. 45); *Я старая престарая чертовка*, живу (Акчим Краснов.; АС. Вып. 6. С. 186). В разных русских говорах отмечены фразеологизмы, основанные на подобной аналогии: *один как черт в болоте* 'об абсолютно одиноком человеке' (БСРП. 2008. С. 743), *как Яга Ягишина* 'об абсолютно одной, крайне одинокой женщине' (БСРП. 2008. С. 774)]. Сравнение с Каином, а также отрицательными фольклорными персонажами подчеркивает представление об одиноком человеке как об отвергнутом и проклятом. Таким образом, диалектные единицы, характеризующие одиночество человека, свидетельствуют о том, что в традиционном обществе такое семейное положение считалось отклонением от нормы.

Закключение

Таким образом, в пермских говорах существует большое число лексем, обозначающих совокупность родственников, семью, отдельных ее членов, а также единиц, которые характеризуют дальней родство, многодетную семью, одинокого человека. Слова с корнями *род-* и *кров-* могут обозначать любого кровного родственника, а лексемы, включающие корни *свой-* и *семей-*, могут относиться к людям, связанным не только кровным, но и социальным родством, свойством. На родство по крови также указывают определения *крóвный*, *родно́й* (*ро́дний*), *роды́мый*, *коренно́й*; отсутствие родства обычно характеризуется прилагательными *чужой*, *сторонний*.

В пермских говорах для обозначения дальнего родства, как правило, используются метафорические обороты. В образной основе таких выражений могут лежать различные тематические коды: соматический, пищевой, предметный, зоологический. Нередко эти языковые единицы включают числительные *девятый*, *десятый*, *седьмой*, что под-

черкивает отдаленность родства. Сравнение неблизких родственников с незначительными, малоиспользуемыми предметами также выполняет эту функцию.

В традиционном укладе важное значение имел социальный и семейный статус человека. В говорах представлены номинации семьи и характеристики семейного положения человека. Выделяются две лексико-семантические группы, которые имеют наибольшую наполненность: наименования и характеристики многодетной семьи и обозначения человека, не имеющего родственников. Языковые единицы, входящие в состав этих групп, нередко имеют образную природу. Метафорический перенос может осуществляться с использованием разных тематических кодов: антропоморфного, зоологического, растительного и предметного. Часто значение 'многодетная семья' появляется у слов, семантика которых связана с идеей множественности, совокупности (людей, насекомых, растений, деталей предметов). Образные единицы, называющие и характеризующие одинокого человека, нередко подчеркивают его обособленность от других, отвергнутость и ненужность.

Представленные в работе диалектные лексемы нередко встречаются в других русских говорах, фразеологизмы могут иметь синонимы и лексико-грамматические варианты. Образные единицы в основном образованы на основе распространенных в говорах тематических (культурных) кодов: антропоморфного, зоологического, растительного, предметного. Своеобразие рассмотренной лексико-семантической группы обусловлено использованием диалектной лексики, часть которой отмечена только в русских говорах Пермского края.

Сокращенные названия районов Пермского края

Бер. — Березовский; Вер. — Верецагинский; Гайн. — Гайнский; Добр. — Добрянский; Ильинск. — Ильинский; Караг. — Карагайский; Киш. — Кишертский; Коч. — Кочевский; Краснов. — Красновишерский; Кунг. — Кунгурский; Окт. — Октябрьский; Перм. — Пермский; Сол. — Соликамский; Сукс. — Суксунский; Ус. — Усольский; Чайк. — Чайковский; Част. — Частинский; Черд. — Чердынский; Чернуш. — Чернушинский; Чус. — Чусовский; Юрл. — Юрлинский.

Библиографический список

Березович Е. Л. Метафорические комплексы, составленные терминами родства, в славянских языках // Категория родства в языке и культуре / отв. ред. С. М. Толстая. Москва: Индрик, 2009. С. 257-278.

Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. Москва: Индрик, 2007. 599 с.

Березович Е. Л., Рут М. Э. Ономазиологический портрет реалии как жанр лингвокультурологического описания // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. Вып. 3. Филология. Екатеринбург, 2000. № 17. С. 33–38.

Бурыкин А. А., Попов В. А. Русская терминология родства и свойства: историческая динамика, аксиологические поля, коммуникативный дискурс : монография. Санкт-Петербург: Центр «Петербургское востоковедение», 2020. 320 с. <https://www.doi.org/10.25882/sfy9-xb39>

Власова И. В. Семейно-брачные отношения в 1917–1990-х годах // Русские / отв. ред. В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полищук. Москва: Наука, 2005. С. 436–456.

Зверева Ю. В. Наименования человека по отношению к браку в пермских говорах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. № 1 (21). С. 28–36.

Качинская И. Б. Номинация семьи и родства в архангельских говорах // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 3. С. 77–85. <https://www.doi.org/10.31857/S160578800026318-5>

Качинская И. Б. Термины заместительного родства в архангельских говорах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. № 4 (36). С. 5–12. <https://www.doi.org/10.17072/2037-6681-2016-4-5-12>

Качинская И. Б. Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров). Москва: Индрик, 2018. 285 с.

Качинская И. Б. Термины родства и языковая картина мира: сопряжение «семейного» и «телесного» регистров (по материалам архангельских говоров) // Севернорусские говоры. 2014. № 13. С. 165–177.

Кривошапова Ю. А. Домашние насекомые-паразиты в языке и фольклоре // Живая старина. 2005. № 4. С. 40–43.

Тихомирова А. В. Символика наименований одежды и обуви в русской диалектной лексике и фразеологии свадебного обряда // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. № 1 (21). С. 43–50.

Толстая С. М. Категория родства в этнолингвистической перспективе (вместо предисловия) // Категория родства в языке и культуре / отв. ред. С. М. Толстая. Москва: Индрик, 2009. С. 7–22.

Толстой Н. И. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике : изд. 2. Москва: Индрик, 1995. 512 с.

Трубачев О. Н. К этимологии некоторых древнейших славянских терминов родства // Вопросы языкознания. 1957. № 2. С. 86–95.

Угрюмова М. М. Детство как константа культуры / Т. Б. Банкова, М. М. Угрюмова, Н. А. Агапова. Константы русской народной культуры: языковые воплощения. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2017. С. 65–128.

Федорова К. А. Термины родства в русских говорах на территории бывшей Чердынской земли // Вопросы фонетики, словообразования, лексики русского языка и методики его преподавания: труды 4-й зон. конф. кафедр русского языка вузов Урала. Пермь, 1964. Вып. 1. С. 85–92.

Филин Ф. П. О терминах родства и родственных отношениях в древнерусском литературном языке // Язык и мышление. XI. Москва ; Ленинград: «Наука», 1948. С. 329–346.

Список источников

АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецово-вой, Е. А. Нефедовой. Москва: Изд-во Моск. ун-та; Наука, 1980–2019. Вып. 1–20 (изд. продолжается).

АС—Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Пермь. 1984–2011. Вып. 1–6.

БАС — Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. М.; Санкт-Петербург: Наука, 2004–2024. Т. 1–28 (изд. продолжается).

БСРП — Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. Москва: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. 784 с

Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. Москва: Прогресс: Универс, 1994.

КАС — Картотека «Словаря говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области», хранящаяся на кафедре теоретического, прикладного и восточного языкознания ПГНИУ.

КСРГСПК — Картотека «Словаря русских говоров севера Пермского края», хранящаяся на кафедре теоретического, прикладного и восточного языкознания ПГНИУ.

Подюков И. А. К пиру едется, а к слову молвится. Народная паремика Пермского края / науч. ред. И. А. Подюков. Санкт-Петербург: Матом, 2014. 176 с.

Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров: Научно-методическое пособие, Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 1994. 336 с.

СГРС–Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–2025. Т. 1–8. (изд. продолжается).

СГТ — Полякова Е. Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь: Перм. гос. ун-т. 2007. 420 с.

СПГ — Словарь пермских говоров. Пермь: Кн. мир, 2000. Вып. 1: А–Н. 480 с. 2002. Вып. 2: О–Я. 576 с.

СРГКПО — Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2006. 272 с.

СРГСПК — Словарь русских говоров севера Пермского края / гл. ред. И. И. Русинова. Пермь, 2011–2021. Вып. 1–2: А–В. (изд. продолжается).

СРГЮП — Словарь русских говоров Южного Прикамья / И. А. Подюков (науч. ред.), С. М. Поздеева, Е. Н. Свалова, С. В. Хоробрых, А. В. Черных. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. унта, 2010–2012. Вып. 1–3.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Москва ; Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1965–2021. Вып. 1–52 (изд. продолжается).

СРЯXVIIIв. — Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред. Ю. С. Сорокин. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991. Вып. 1–6; Санкт-Петербург: Наука. С.-Петербург. отд-ние, 1992–2025. Вып. 7–24 (изд. продолжается).

ТСЛО — Традиционный костюм народов Пермского края. Русские. Тематический словарь лексики одежды / Ю. В. Зверева, И. И. Русинова, А. В. Черных. Санкт-Петербург: Изд-во «Маматов», 2019. 432 с.

ФСПГ — Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2002. 432 с.

ФСРГТО — Багирова Е. П., Беякова С. М. Фразеологический словарь русских говоров Тюменской области. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2020. 356 с.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1–2. Москва: Русский язык, 1999.

ЧРДФ — Алексеев М. А., Белоусова Т. П., Литвинникова О. И. Человек в русской диалектной фразеологии: словарь. Москва: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2004. 238 с.

References

Berezovich E. L. Metaphoric Complexes Consisting of Kinship Terms in Slavic Languages. *Kategoriia rodstva v iazyke i kul'ture* = The Category of Kinship in Language and Culture, Moscow, 2009, pp. 257–278. (In Russian).

Berezovich E. L. Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies, Moscow, 2007. 599 p. (In Russian).

Berezovich E. L., Rut M. E. Onomasiological portrait of reality as a genre of linguistic description. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* = News of the Ural Federal University, ser. 17, Humanities and Arts, iss. 3, Yekaterinburg, 2000, pp. 33–38. (In Russian).

Burykin A. A., Popov V. A. Russian terminology of kinship and affinity. Historical dynamics, axiological fields. St. Petersburg, 2020, 320 p. <https://www.doi.org/10.25882/sfy9-xb39> (In Russian).

Fedorova K. A. Kinship terms in Russian dialects on the territory of the former Cherdyn land. *Voprosy fonetiki, slovoobrazovaniya, leksiki russkogo yazyka i metodiki ego prepodavaniya* = Problems of phonetics, derivation, lexis of the Russian language and its teaching methods, Perm, 1964, iss. 1, pp. 85–92. (In Russian).

Filin F. P. On the terms of kinship and family relations in the Old Russian literary language. *Yazyk i myshleniye* = Language and thinking, XI, Moscow-Leningrad, 1948, pp. 329–346. (In Russian).

Kachinskaya I. B. Kinship terms and the linguistic worldview (based on materials from Arkhangelsk dialects). Moscow, 2018, pp. 77–85. (In Russian).

Kachinskaya I. B. Kinship terms and linguistic worldview: the interlinking of the “familial” and “bodily” registers (a case study of Arkhangelsk dialects). *Severnorrusskiye govory* = Northern Russian Dialects, 2014, iss. 13, pp. 165–177. (In Russian).

Kachinskaya I. B. Nomination of family and kinship in Arkhangelsk dialects. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk* = The bulletin of the Russian Academy of Sciences, Studies of literature and language, 2023, vol. 82, no. 3, pp. 77–85. <https://www.doi.org/10.31857/S160578800026318-5> (In Russian).

Kachinskaya I. B. The terms for adoptive parents and adoptive children in Arkhangelsk dialects. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* = Perm University Herald, Russian and Foreign Philology, 2016, iss. 4 (36), pp. 5–12. (In Russian).

Krivoshchapova Yu. A. Domestic insectparasites in language and folklore. *Zhivaya starina* = Living antiquity, 2005, no. 4, pp. 40–43. (In Russian).

Tikhomirova A. V. Symbolism of names of clothes and shoes in Russian dialectal lexis and phraseology of the wedding ritual. *Vestnik Permskogo universiteta* = Perm University Herald. Russian and Foreign Philology, 2013, iss. 1 (21), pp. 43–50. (In Russian).

Tolstaia S. M. Kinship category in the ethnolinguistic perspective: in lieu of a preface. *Kategoriia rodstva v iazyke i kul'ture* = The Category of Kinship in Language and Culture, Moscow, 2009, pp. 7–22. (In Russian).

Tolstoy N. I. Language and folk culture: Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics, 2nd ed., Moscow, 1995, 512 p. (In Russian).

Trubachev O. N. On the etymology of the earliest Slavonic kinship terms. *Voprosy yazykoznaniya* = Topics in the study of language, 1957, no. 2, pp. 86–95. (In Russian).

Ugryumova M. M. Childhood as a cultural constant. *T. B. Bankova, M. M. Ugryumova, N. A. Agapova. Konstanty russkoy narodnoy kul'tury: yazykovye voploshcheniya* = Constants of Russian Folk Culture: Linguistic Embodiments, Tomsk, 2017, pp. C. 65–128. (In Russian).

Vlasova I. V. Family and marital relations in the 1917–1990^s. *Russkiye* = Russians, Moscow 2005, pp. 436–456. (In Russian).

Zvereva Yu. V. Man nomination in the aspect of marriage in Perm dialects. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* = Perm University Herald. Russian and Foreign Philology, 2013, iss. 1 (21), pp. 28–36. (In Russian).

List of Sources

Alekseenko M. A., Belousova T. P., Litvinnikova O. I. The Person in Russian Dialectal Phraseology: A Dictionary, Moscow, 2004.

Arkhangelsk Regional Dictionary, Moscow, 1980–2019.

Bagirowa E. P., Belyakova S. M. Phraseological Dictionary of Russian Dialects of the Tyumen Region, Tyumen, 2020.

Card index of the "Dictionary of the Dialect of the Village of Akchim, Krasnovishersky District, Perm Region", housed at the Department of Theoretical, Applied, and Oriental Linguistics, Perm State National Research University.

Card index of the "Dictionary of Russian Dialects of the Northern Perm Region", housed at the Department of Theoretical, Applied, and Oriental Linguistics at Perm State National Research University.

Chernykh P. Ya. Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language, Moscow, 1999.

Dal V. I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language, Moscow, 1994.

Dictionary of the Akchim Village Dialect, Krasnovishersky District, Perm Region (Akchim Dictionary), Perm, 1984–2011.

Dictionary of Russkogo Dialects, Yekaterinburg, 2001–2025.

Dictionary of Perm Dialects, Perm, 2000–2002.

Dictionary of Russian Dialects of the Komi-Permyak Okrug, Perm, 2006.

Dictionary of Russian Dialects of the Northern Perm Region, Perm, 2011–2021.

Dictionary of Russian Dialects of the Southern Kama Region, Perm, 2010–2012.

Dictionary of Russian Folk Dialects, Moscow; Leningrad; St. Petersburg, 1965–2021.

Dictionary of the Russian Language of the 18th Century, Leningrad; Moscow; St. Petersburg, 1984–2025.

Large Academic Dictionary of the Russian Language, Moscow, St. Petersburg, 2004–2024.

Mokienko V. M., Nikitina T. G. A Comprehensive Dictionary of Russian Proverbs, Moscow, 2008.

Polyakova E. N. Dictionary of Geographical Terms in Russian Speech of the Perm Region, Perm, 2007.

Program for collecting data for the Lexical Atlas of Russian Folk Dialects: A Scientific and Methodological Handbook, St. Petersburg, 1994.

Prokosheva K. N. Phraseological Dictionary of Perm Dialects, Perm, 2002.

"To the feast, to the word." Folk parodies of the Perm Region, ed. I. A. Podyukov, St. Petersburg, 2014.

Traditional Costume of the Peoples of the Perm Region. Russians, Thematic Dictionary of Clothing Vocabulary. St. Petersburg, 2019.